

Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус дилогии А. М. Урусовой «Айсанат»

Фатима Таулановна Узденова¹, Тахир Зейтунович Толгуров²

¹ Институт гуманитарных исследований — филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН (д. 18, ул. Пушкина, 360000 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5378-9514. E-mail: uzdenova_kbigi[at]mail.ru

² Кабардино-Балкарский научный центр РАН (д. 2, ул. Балкарова, 360002 Нальчик, Российская Федерация)

доктор филологических наук, заведующий центром

 0000-0001-6208-9678. E-mail: kangaur64[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Узденова Ф. Т., Толгуров Т. З., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье проанализированы структурно-содержательные компоненты романа, его трансформации. В работе применялись историко-типологический, структурно-описательный, сравнительно-сопоставительный, нарративный, биографический, герменевтический методы исследования. *Результаты.* Становление в первые десятилетия советской действительности новой матрицы культурного состояния обусловило и особую форму крупноформатной прозы, атрибутивным признаком которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы. Сказанное напрямую относится к произведениям северокавказских авторов, в том числе карачаевской писательницы Аминат Урусовой (1911–1995). Ее роман-дилогия «Айсанат» — автобиографическое произведение, официально датированное 60–70 гг. XX в., однако по ряду признаков можно утверждать, что текст романа создавался на протяжении длительного времени и часть его приходится на довоенный период: в пользу последнего свидетельствует наличие при-

мет романа-хроники, бывшего в тренде советской литературы 30-х гг. XX в. Произведение А. М. Урусовой, таким образом, возможно атрибутировать как особую типологическую разновидность новописьменного советского романа, присутствующую, главным образом, в литературах народов, не имевших развитой письменности до 1917 г. и подвергшихся тотальной депортации в годы сталинского правления. Исследование архитектоники образного строя, структурно-содержательной компоненты, синтаксиса и речевого богатства языка, обнаруживающихся в отмеченных профессиональным подходом эпизодах и главах, позволяет прийти к выводу о репрезентативных эволюционных подвижках романного нарратива А. М. Урусовой.

Ключевые слова: новописьменный роман, А. Урусова, нарратив, северокавказская литература, архитектоника, поэтика

Для цитирования: Узденова Ф. Т., Толгуров Т. З. Архитектоника новописьменного романа: особенности нарратива и эволюционный статус дилогии А. М. Урусовой «Айсанат» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 3. С. 87–105. DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105

New Written Novel's Architectonics: the Narrative's Features and Evolutionary Status of the Dilogy "Aisanat" by A. Urusova

Fatima T. Uzdenova¹, Takhir Z. Tolgurov²

¹ Institute of Humanitarian Researches — branch of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (18 Pushkin St., 360000 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5378-9514. E-mail: uzdenova_kbigi[at]mail.ru

² Kabardino-Balkarian Scientific Center of the RAS (2 Balkarov St., 360002 Nalchik, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Head of the Center

 0000-0001-6208-9678. E-mail: kangaur64[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Uzdenova F. T., Tolgurov T. Z., 2024

Abstract. Introduction. The structural and substantive components of the novel and its transformations are analyzed in the article. *Research methods:* historical-typological, structural-descriptive, comparative-contrastive, narrative, biographical, hermeneutic. *Results.* The formation of a new matrix of the cultural state in the first decades of the Soviet reality determined a special form of large-format prose, the attributive feature of which can be considered the combination of parameters of utilitarian, ideological and revolutionary-educational texts of the era of the Soviet government's formation and the sufficiently developed literature's qualities. The above directly relates to the North Caucasian authors' works, including the Karachay writer Aminat Urusova (1911–1995). Her novel-dilogy "Aisanat" is an autobiographical work, officially dated to the 60-70s of the 20th century, however, according to a number of signs, it can be argued that the novel's text was created over a long period of time and one of its parts falls on the pre-war period: the presence of signs of a chronicle novel, which was in trend in the Soviet literature of the 30s of the 20th century, testifies in its favor. Therefore, the author's work can be attributed as a special typological variety of the new-written Soviet novel, presented mainly in the literature of the peoples who did not have developed writing before 1917 and were subjected to the total deportation during the Stalin's rule years. The study of the figurative structure's architectonics, the structural and content components, syntax and speech richness of the language, found in the episodes and final chapters marked by a professional approach, allows us to come to the conclusion about the representative evolutionary shifts of the novel narrative of A. Urusova.

Keywords: new-written novel, A. Urusova, narrative, North Caucasian literature, architectonics, poetics

For citation: Uzdenova F.T., Tolgurov T. Z. New Written Novel's Architectonics: the Narrative's Features and Evolutionary Status of the Dilogy "Aisanat" by A. Urusova. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2024; 3: 87–105. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-3-31-87-105

1. Введение

Определение романа как литературного жанра отмечено разнообразием подходов, идентификационных критериев. Соответственно, на сегодняшний день существует множество формулировок, претендующих на исчерпывающий комплексный охват текстов, которые относятся к данной форме [Грифцов 1927: 17–21; Поспелов, Лукач 1935; Эсалнек 2021: 207]. Между тем за многовековую историю роман претерпел значительные изменения как на

уровне своей структуры, так и в смысле онтологических дефиниций. Последние имеют особое значение ввиду того неоспоримого факта, что структурно-содержательные компоненты романа при всей их неоднозначности и разнородности могут быть сгруппированы и проанализированы системно, в границах определенных методологических подходов, имеющих прямое отношение к текстуальным архитектурам и факторам эволюционных изменений [Томашевский 1925: 203–204].

Другое дело — целевые установки автора, его философские и концептуальные устремления и цели при создании произведения. Понятно, что многое в этой сфере зависит от внешней среды, от принципов сосуществования и взаимодействия носителей определенных этико-эстетических, идеологических комплексов с социумом, находящимся в той или иной степени аффилированности с определенными политическими и классовыми институтами. Безусловно, момент резкой смены общественных формаций, момент отказа от предыдущих идеологических доктрин кардинально меняет цели и задачи художников, закономерным образом трансформируя организацию жанровых форм как таковых. Зачастую подобные изменения затрагивают сущностные атрибуты жанра в полном объеме, являя нам феномен культурного и мировоззренческого ароморфоза при сохранении — полном или значительном — терминологического инструментария, предназначенного для описания и анализа текста.

Это ожидаемо порождает путаницу в знаниях хронологии, истории, стадийного пути развития литературы того или иного народа. Однако история человечества не сильно отягощена событиями, после которых радикально или полностью менялись культурный фон и культурная среда при сохранении преемственных связей между этапами бытования социума. Чаще мы сталкиваемся с крушением цивилизационных ареалов и полным забвением их культурного антуража [Тойнби 2009: 97]. Так была забыта античная Ойкумена, искусство многих государственных образований древности, доисламская культура арабского мира. Иногда социальные катаклизмы приводят к радикальным изменениям в социальной, экономической сфере, практически не затрагивая области презентативной культуры, в частности литературу. Такое можно

наблюдать в истории древней и средневековой Индии, в истории Китая и Персии. В Европе яркими примерами подобных траекторий развития культурных ареалов были Ренессанс, постренессансные движения в Италии, Провансе, в Англии периода нормандского завоевания и после него.

Однако в случаях радикальной смены общественного строя, сопровождающейся силовой отменой прежних философских мировоззренческих и этических стандартов, при постоянстве этнического состава культурного региона зоны, либо ареала, возможно наблюдать особый тип культурной реформации, который можно охарактеризовать как промежуточный. В своем законченном виде подобные изменения подразумевают становление новой матрицы культурного состояния, подпитываемой породившим ее политическим режимом, при сохранении и частичном функционировании традиционных систем презентативной и, естественно, субстратной культуры.

Переходный тип культурной реформации был характерен для Советского Союза в целом и на отдельных его территориях, представлявших собой ареалы распространения альтернативных типов цивилизационного развития, поглощенных в 1917 г. весьма активной и агрессивной системой идеологического и политического прессинга в лице государства большевиков [Цеткин 1958: 105].

К тому моменту, когда большевистское руководство бывшей Российской империи начало проводить в жизнь доктрины об обязательности идеологической составляющей художественной литературы, о примате политического в художественном тексте: «... вся постановка дела ... в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата за успешное осуществление целей его диктатуры» [Ленин 1938: 255], уже была создана и укрепилась устойчивая традиция восприятия художественного слова, традиция, предполагавшая богатое содержание произведения, выходявшего за рамки сухой философии, мировоззренческой декларации, классового лозунга. Доктрина социалистического реализма, не говоря уже о различных радикальных культурных группировках и течениях, не могла вместить в себя все богатство усматриваемых российским читателем аспектов эстетического рассмотрения окружающего мира. Поэтому наряду и параллель-

но с бурно развивающимся искусством идеологического толка сохранялась старая школа русской литературы со всем богатством ее образных, архитектурных, структурных, концептуальных, рефлекторных составляющих.

Сходное положение наблюдалось и в среде некоторых литератур Северного Кавказа. Траектория развития каждой из них была строго индивидуальна, зависела от множества факторов, и, конечно же, литературы народов региона не могут быть унифицированы и агрегированы в некое единое типологическое объединение.

2. Северокавказский новописьменный роман: к проблеме становления

Можно выделить как минимум три разновидности новописьменных литератур горских народов. Первая — системы словесности, которые должны быть отнесены к новописьменным лишь условно, это литературы таких народов, как лезгины, лакцы, кумыки, ногайцы, сотни лет находившиеся в орбите влияния средневековой словесности арабов, персов, тюрков и задолго обретшие институты авторства. С литературой большинства северокавказских этносов также далеко не все ясно. Судя по всему, в первые годы советской власти авторская литература и фольклор народов региона прошли через жесткие механизмы отбора, определяющими критериями которого были соображения идеологического плана, и вполне может быть, что в общем объеме сохранившихся текстов просто-напросто отсутствуют не удовлетворявшие требованиям партийного ордера. Примеров подобной секуляризации предостаточно. Наши знания о фольклоре народов Кавказа также пестрят лакунами и белыми пятнами. Например, считается, что вайнахи не имели развитых эпических сводов: в наличии у них имеются дефрагментированные и инвертированные в аксиологическом плане фрагменты «Нартиады». Однако это нельзя принять за окончательную истину — просто ввиду того очевидного обстоятельства, что в тот момент, когда производились записи основной части архаичного фольклора региона, — период с начала 1940-х и до начала 1960-х гг. — и чеченцы, и ингуши находились в ссылке в Средней Азии и Казахстане. Иначе говоря, вторая разновидность новописьменных литератур Кавказа таковой является лишь условно, и при

анализе любых эволюционных движений в литературах региона это обстоятельство необходимо учитывать.

Еще одна модификация новописьменных литератур — те из них, которые развивались на базе обширных и разветвленных эпических систем. Классический вариант подобных систем художественной словесности — литературы адыгских народов, абазин, калмыков и, естественно, карачаевцев и балкарцев. Исторические судьбы последних сложились так же, как и у вайнахов, но в отличие от чеченцев и ингушей эпические тексты калмыков и карачаево-балкарцев были зафиксированы еще до их выселения [Хаджиева 1994: 8–10], что исключало возможность лишить данные этносы их архаичного фольклорного наследия (так, например, бурятская версия эпоса «Джангар» — «Үнчэн Жагар богдо хаан» (В-2) была записана А. Н. Степановым в 1941 г. в Селенгинском аймаке Бурятской АССР от Гармажапа Балданова [Гымпилова 2023: 219]). Более того, степень популярности эпоса в карачаево-балкарской среде была столь высока, что носителями «нартов» де-факто могли считаться практически все взрослые представители этносов.

В этом смысле весьма иллюстративным кажется тот факт, что наиболее продуктивными сказителями, например, у балкарцев были представители не высшего сословия, представители производительных слоев населения. Судя по результатам полевых исследований, если на некоторых из них была возложена миссия изустной передачи текстов, то само знание таковых было очень распространено и не представляло собой какой-либо особой привилегии той или иной социальной страты. Или другой пример: знаток фольклора, житель села Булунгу Хамзат Жаникаев, хотя и не записал ни одного сказания, попавшего в официальные сборники, был хорошо известен специалистам. При этом люди его ближнего круга — дети, родственники первой и второй степени родства, друзья — также хорошо знали нартский эпос, естественно, благодаря Хамзату Жаникаеву. В этом смысле можно небезосновательно утверждать, что среди представителей старшего поколения, родившихся до войны и попавших в депортационный период в сознательном возрасте, знание эпических сказаний было традиционным явлением. Мы ни в коем случае не говорим о сознательном

целенаправленном уничтожении фольклорной памяти у чеченцев и ингушей, но предполагая такую возможность, считаем необходимым констатировать: изоляция и уничтожение традиции эпического нарратива в карачаевской и балкарской национальной среде в советское время были уже невозможны.

Именно литературы народов, не имевших богатого опыта художественной авторской словесности, но обладавших обширными эпическими системами, оказались наиболее готовыми к формированию жанра романа.

Сверх всего прочего, практика карачаево-балкарской литературы (повторимся, народа, пережившего депортацию) показала, что для них существенным являлся период изгнания с родины, ознаменовавшийся практическим прекращением движения в культурной сфере. Логично было ожидать, что предвоенные годы, ставшие начальной точкой отсчета северокавказского романа, эволюционное содержание которого было прервано войной и репрессиями, должны были дать обществу образцы крупного формата, написание которых не было закончено в 1930–1940-е гг., в результате чего они были продолжены уже после войны и даже в постдепортационный период. При всех разночтениях и пестроте методологических подходов, существующих в современном литературоведении, необходимо признать, что 30-е – начало 40-х и 60-е гг. прошлого столетия — это два совершенно разных этапа эволюционного развития новописьменных литератур и литератур Советского Союза в целом. Даже чисто умозрительно прозаики, приступавшие к крупным полотнам до войны и продолжившие их через два десятилетия, должны были находиться на разных уровнях концептуального мышления, образного представления, технического мастерства. Это и породило особую форму крупноформатной прозы, в принципе, не имеющей официального определения в науке, атрибутивным признаком которой может считаться совмещение параметров утилитарных, идеологических и революционно-просветительских текстов эпохи становления советской власти и качеств достаточно развитой литературы с соответствующим уровнем текстуального воплощения.

Сказанное напрямую относится к произведениям Тембота Керашева, Идриса Базоркина, Аминат Урусовой.

3. Роман А. М. Урусовой «Айсанат»: архитектоника и особенности нарратива

Роман-диалогия «Айсанат» карачаевской писательницы А. М. Урусовой (1911–1995) [Урусова 1983; Урусова 1987] — автобиографическое произведение, официально датированное 60–70 гг. XX в., однако по ряду признаков можно достаточно уверенно утверждать, что текст романа А. М. Урусова создавала на протяжении длительного времени и часть его приходится на довоенный период. В произведении повествуется о судьбе девушки-горянки, прошедшей долгий путь от девочки-подростка, воспитанной в идеалах социалистической морали и этики, до зрелой женщины, взрослевшей вместе со своей страной. История ее становления как активного члена общества, ее учебы, ее любви, ее замужества, вплетена в дополнительные сюжетные линии, повествующие о борьбе за советскую власть на Северном Кавказе, о трудных годах жизни в условиях политических и идеологических перегибов, о судьбах людей на фронтах Великой Отечественной войны и в ссылке.

Произведение характеризуется линейным сюжетом, подчеркнуто широким охватом действительности, при акцентированном распределении интереса нарратора между различными векторами описания, приблизительно соответствующим формальному членению на главы. Огромное количество сюжетных линий, связанных с различными персонажами произведения, значительное число сквозных и эпизодических действующих лиц, локализованных в почти независимых друг от друга повествовательных объемах — все это приметы романа-хроники, бывшего в топе популярности советских писателей в довоенный период.

Понятно, что А. М. Урусова задумывала роман «Айсанат» как повествование о становлении женщины-коммунистки. И нет сомнения, что первоначальным идейным толчком к созданию произведения были многочисленные политические кампании 1930-х гг., направленные на социальную реабилитацию женской части населения. Репрезентативна его акцентная составляющая — рассказ об учебе главных героев в различных учебных заведениях страны (первоначально Пионеркоммуна при Коммунистическом университете трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ) на Красной Пресне (Москва), Ленинградский рабфак, Ростовский раб-

фак), призванных осуществлять подготовку руководящих кадров, а перевоплощение самой Айсанат из сельской девушки, пусть и жаждущей знаний, в хозяйственного работника высокого уровня — лишь итоговая иллюстрация преимуществ нового строя.

Наиболее подробно и объемно освещены годы учебы Айсанат в Ленинграде и Ростове-на-Дону. Элементарно подсчитав объемы глав, описывающих студенчество девушки, мы убедимся, что они занимают непропорционально большое место в общей протяженности повествования. Одновременно с этим сюжет романа уходит по хронологическим линиям намного дальше, нежели несколько лет, проведенных героиней в вузах. Это довольно прозрачно говорит нам о первоначальном фабульном замысле автора. Но, кроме того, — и это базовое основание для выводов о характере работы над текстом — главы романа неравнозначны с точки зрения их эволюционного статуса.

Фабульная канва произведения весьма незатейлива. Айсанат покидает свою малую родину и поступает в одно из учебных заведений Москвы, далее — Ленинграда. Затем продолжает учебу в Ростове-на-Дону, по окончании возвращается в Карачай.

Попутно автор разворачивает линию любовных отношений главной героини и юноши Далхата, представляет читателю моменты деятельности контрреволюционного подполья и на фоне всего этого дает картины о засилии идеологии и ошибках партийных структур, функционирующих в тоталитарном формате управления обществом.

В форсированном режиме описывается Великая Отечественная война, ее перипетии в восприятии Айсанат и ее близких. Буквально пунктирно отражена немецкая оккупация Кавказа. Параллельно автор останавливается на семейной жизни Айсанат: ее взаимоотношениях с мужем Анзором, выходцем из весьма уважаемой в народе семьи, добропорядочным человеком. Затем, после лаконичной констатации и пропуска нескольких лет, А. М. Урусова переходит к описанию жизни главной героини в Киргизии — уже в роли крупного советского работника, пользующегося авторитетом и уважением окружающих.

И если автор каждому свиданию своей героини и Далхата посвящает целые главы, то описание ее разрыва с любимым челове-

ком, описание потери этого человека ограничено фактически парой абзацев. Это просто указание на факт жизни героини. Любовная история закончилась практически без развязки. Немотивированно и неожиданно повествование переходит к новым этапам жизни главной героини, и читатель практически не знает, что произошло с Айсанат после 1942 г. и до самого выселения карачаевцев.

Если судьба Айсанат прослеживается более или менее полно, то линии остальных героев даны во многом фрагментарно. Например, сюжетная траектория ее брата Хызыра. С момента его побега из фашистского лагеря с ближайшим другом Шамилем вниманию читателя предлагается огромное количество сюжетных ветвлений линий других героев. Абсолютно очевидным представляется то, что автор описывает жизни своих персонажей, не имея цели дать их полноценно и полнокровно, а лишь знакомя читателя с кратким абрисом пути каждого отдельного образа. Однако при этом сам нарратив романа выглядит весьма и весьма зрелым, более того — новационным. Фрагментарное качество фабулы и, соответственно, сюжета никак не влияют на высокую степень художественной достоверности большинства эпизодов романа.

К слову, диалоги героев достаточно убедительны и жизненны, они далеки от ходульных образцов довоенной прозы, близки к обыденной живой речи. Бросается в глаза необыкновенное речевое богатство произведения. Глоссарий романа насыщен значительным количеством гаптаксов и редко употребляемых слов, в качестве примера приведем лексемы из 2-й книги романа: *ёкюл* — адвокат (с. 10); *эмилик* — необъезженная лошадь (с. 10); *кьалайлыкь* — состояние (в данном случае — материальное) (с. 12); *кьыпта* — кокон (с. 13); *гырын / гырым* — полый, пустой, тачка (с. 13); *чиркит* — заставь исчезнуть, отлететь как искра от камня (с. 13); *джазар* (...*билалмайды кьалай джазаргьа аны джюрегин*) — согрей (как согреть ее сердце;) (с. 15); *чола* — неполноценный, неудовлетворительный, нежелательный, искалеченный (с. 15); *алакьытай* — ситец (с. 15); *саф (сан)* — строй, последовательность, порядок (с. 16); *шыкьырт* — препона, защелка (с. 133); *кьубас* — грубая дубленая кожа (с. 133); *хыршы / харш* (балк.) — базальт (с. 133); *кюпсе* — купец (с. 134); *кёкен* — куст (с. 134); *чына (чана)* — конструкция, скелет, организм (с. 135); *кьайыр* — злобно, настороженно (с. 135);

абычар — офицер (с. 138); *атлауч* — ступенька (с. 138) [Урусова 1987; КБРС 1989; Гаптаксальный словарь 2014].

Примечательным образом эволюционируют и глагольные временные конструкции, которые в одних частях романа отмечены живым многообразием и органичным переплетением сюжетных линий, в других, напротив, никак не взаимосвязаны между собой движениями героев. Удивительно, в поздних главах романа мы сталкиваемся с единовременными презентациями различных темпоральных рисунков, реализованных в различных же сюжетных блоках — различных, но тесно связанных друг с другом. В то же время в романе есть главы, выстроенные в одном хронологическом варианте с подавляющим преобладанием настоящего длящегося времени. Действия героя в подобных фрагментах очень часто описываются в актуальном «сейчас» того или иного персонажа, причем зачастую сиюминутность повествования напрямую подчеркивается авторскими уточнениями либо прямыми указаниями, типа «сейчас», «в этот момент», либо сензитивными имитациями, например, звукоподражаниями, совмещенными с физическими практически ощущениями:

...Орамла, межамла, завод оджакъладан басыныб чыкъгъан тотюн да, саудан Москва, ичинде джашагъан къадар адамы бла — кёрген заты бары кесинден айырылмазлыкъ энчи хазнасыча кёрюнедн Абрекге. Дуния къуралгъанлы бир патчахны баласы сынагъан болмаз Абрекча быллай сейирлик уллу къууанчны.

Дерслеринден къайтыб келе, къар къалаулары юслери бла секире, дагъыда орамны ариуланган къыйыры бла атлай, къар кюрей тургъан къартны къатына джууукълашады, озуб кеталмайды, салам бериб, габрайын тешеди да, китабларын аны юсюне ташлаб, акканы кюрегине узалады:

— Мен бир кесек болушайым сизге.

— Аперим, джигит джаш, — деб, кюрегин бошлайды, кенг ышара.

Абрек акка кёргюзген джерни къыйырындан кюрекни ойнатыб башлайды.

Хырт-хырт-хырт таууш чалкъы чалгъанча эшитиле, тохтаусуз барады...

‘... Дороги, здания, заводские трубы с густыми клубами дыма, вся Москва, со всеми ее жителями — все, что он видит, кажется Абреку данным ему навсегда. Наверное, с момента возникновения этого мира ни один сын ни одного падишаха не испытывал такой удивительной, огромной радости. Возвращаясь с занятий, перепрыгивая через сугробы и шагая по очищенным краям улиц, он **видит** старика, сгребającego снег, **приближается** к нему и, не в состоянии пройти мимо, **здоровается, снимает** телогрейку и, положив на нее книги, **тянется** за лопатой старца:

— Дайте я вам немного помогу.

— Молодец¹, смелый парень, — широко улыбаясь, **отдает** он лопату.

Абрек **начинает чистить**² с того места, что показал ему старший.

Он **идет**, словно на сенокосе, как будто в руках у него коса, издающая звук «**хырт-хырт-хырт**» [Урусова 1987: 52] (Подстр. пер. — Ф. У.).

Что касается синтаксической структуры нарратива А. М. Урусовой, предварительный анализ показывает, что распределение естественных коротких синтагм и их литературных вариантов — удлиненных и малопонятных — достаточно четко соответствует формальной структуре романа и меняется от главы к главе.

Так, первая глава второй части романа начинается со сцены во дворе некогда учебного заведения (Москвы), в котором обучалась героиня:

Шагърей шахарында, атасыны арбазындача, таукел атлай, кеси эки джылыны джашаб кетген зки этажлы уллу межамны къабакъ эшигинден киргенинде, тансыкълаб джетген джюрегин джарытыр ышан табмайды Айсанат. Анда-мунда кёрюннген аз адам да, «нек басханды бу бери?» дегенча, сансыз къараб озады.

Ол, тал тереклени орталарында къурулган узун олтургучха олтуруб ссолуй турганлай, арлакьда, аллына бюгюлюб, кючден атлаб барган къарыусуз къартны эслейди да,

¹ Букв. перевод: ‘почет тебе’.

² Букв. перевод: ‘заставляет играть лопату’.

«ол болурму?» деб ишек эте, къатына джууукълашыб саламлашады:

— *Петро, сизмисиз? — деб къучакълайды.*

Къартны, ауузундан сёз чыкъмай, хыбыл эринлери бла сакъалыны къалтыраулары билдиреди кёлню такъырланнганын. Къынгыр бармакълы уллу къолун Айсанатны имбашындан алмагъанлай саргъылдым мутхуз кёзлерин джумаракъ этиб, джити къарайды тюрсюнюне.

‘В знакомом ей городе, где она, словно в отцовском дворе, смело шагая¹, прожила два года, Айсанат теперь прошла в калитку у большого двухэтажного дома, но войдя во двор, не нашла ни одной знакомой черты, которая согрела бы ее сердце. Редкие прохожие, мелькавшие там и сям, словно спрашивая «Что она сюда пришла?», проходили мимо, бросая на нее безразличные взгляды.

Она присела на длинную скамейку, установленную под ивами, и, переводя дух, чуть подалее заметила старичка, ссутулившегося, шагавшего с трудом и обессилено. «Он ли это?», насторожившись, подумала она и, подойдя к нему вплотную, поздоровалась:

— *Петро, это вы? — сказав [так], обняла.*

У старика, не промолвившего ни слова² только дрожание вялых губ и подбородка выдает его волнение³. Не снимая своей большой руки с искривленными пальцами с плеча Айсанат, он, прищуривая выцветшие глаза с желтыми белками, остро смотрит на окружающий мир⁴ [*Урусова 1987: 5*] (Подстр. пер. — *Ф. У.*)

Даже без перевода понятно, что достаточно протяженный отрывок текста включает в себя всего шесть предложений. Если же разбить цитату на содержательные периоды, подразумевая под ними законченные и самостоятельные предикативные схемы, объединенные единым актантом, — например, *...редкие прохожие, мелькавшие там и сям, словно спрашивая «Что она сюда пришла?»*, про-

¹ Букв. перевод: ‘держа себя’.

² Букв. перевод: ‘изо рта которого не вышло ни слова’.

³ Букв. перевод: ‘растроганность’.

⁴ Букв. перевод: ‘явь’.

ходили мимо, бросая на нее безразличные взгляды, то получится, что эти предложения представляют читателю пять содержательных эпизодов нарратива. Соотношение свойственно сугубо литературной речи, гипертрофированной распространенными предложениями.

Второй пример взят из той части текста, которая была написана в постдепортационные годы:

... Артда Джанболатха, кёзюне чёб болуб тюшсе, уу-мазча илешиб, Майылны да джазгъан эди. Энди уа Салимачыкъны джашичыгъы, маркъа токълучукъча, тагъылгъанлай айланады къарачай аммасына.

Терекни алда чакъгъан бутагъы юзюлсе да, къалгъаны къурумайды. Махарны бушууу джылла бла бителирге унамагъан джара салса да, кичилери джетгендиле.

Джарсыуун сездирмей, экили бола джашагъан Айсанатды. Муну да барды юйдегиси: баш иеси, эки джашичыгъы. Кеси сегизинчи-онунчу класлада орус тил бла литературадан дерслени бардырады, Анзор да техникумда устазды. Бу эки адамны къарамлары, ишде махтаулары, ишленмекликлери кёблени илешдиредиле былагъа. Кёргенле бары насыблы юйдегиге тергейдиле Айсанатны юйдегисин.

‘А потом Джамбулату — на случай, если зацепиться тому за глаз (попадет в глаз былинкой), чтобы расположить его к себе, а не разозлить, он записал и Маила. А теперь вот мальчик Салимочки, как молочный ягненок, словно привязанный ходит за своей карачаевской бабушкой.

Если у дерева и сломается рано расцветшая ветвь, остальное не высыхает. Если горестные годы Махара и нанесли ему раны, что не хотят заживать (завершаться), то (зато, отрадно) младшие уже подросли.

А та, кто, не показывая своей беды, живет, разрываясь надвое, — это Айсанат. И у нее есть муж: главный хозяин, двое мальчиков. Сама ведет уроки русского языка и литературы в восьмых-десятых классах. А Анзор (муж) преподает в техникуме. Внешность этих двоих, репутация (хвалебные отзывы) на работе, их благовоспитанность располагает к ним многих. Знающие (видящие) их, все, считают мужа Айсанат счастливым’ [Урусова 1987: 172] (Подстр. пер. — Ф. У.)

При приблизительном механическом равенстве объема приведенного отрывка с предыдущим, он состоит из пяти-шести содержательных периодов — разночтения допустимы — и девяти предложений. Полуторная кратность предложений в данном случае говорит о многом, но для нас важнее всего приближение количественной протяженности законченных высказываний автора к параметрам естественной речи на карачаево-балкарском языке.

Симптоматично, что относительно «слабые» апперцептивные конструкции локализованы в тех главах романа, которые имеют маркеры и признаки безальтернативной литературы довоенного периода, например, ряд синтаксических конструкций и хронотопических архитектур сопровождаются такими знаковыми чертами образных представлений, как нарочитая предопределенность внешнего вида героев, однозначность их поступков, немотивированность тех или иных описаний [Узденова 2016: 62]. Когда речь идет о контрреволюционерах, автор прибегает к приемам конфликтного описания, в рамках которого враги всегда уродливы, злы и отмечены необъяснимой, априорной жестокостью (об Абдуле: *тюлюк кылыкылы* ‘хитрый, как лис’, *ётюрюкю* ‘лживый’, *кыызтеке Эза* ‘женоподобный Эза’).

В ряд характерных черт идеологической прозы классового конфликта можно включить категоричность оценок автора при попадании в пограничные ситуации, такие как, например, получение известия об аресте отца и резком изменении отношения к ней целого ряда ее сокурсников и преподавателей.

— *Билебиз, хариб, амалсыздан тургъанынгы арабызда, насыбыиг тартса, Деникинни саулугъун табар эдинг, — дейди бедербет кыыз да...*

Вераны бети темир къан алгъанды, кыызланы адебсизликлерин кёлтюремей, алай а сёз къошаргъа къоркъады.

Джумдуругу столну къагъыб, бетинде къан ышаны къалмай, Айсанат кёлтюрюледи орнундан:

— *Кимни тюртюб джаншайсыз? Кимди деб турасыз манга? Сизничала джазгъандыла газетге ётюрюкню. Мен тюзлюкню табарма, сиз а нени табарсыз?..*

‘ — Знаем, бедная, что от безысходности среди нас находишься, вынужденно. Была бы поудачливей — при Дени-

кине свое место нашла бы», — сказала девушка с хамским выражением лица...

Лицо Веры налилось гневом (железной кровью), невоспитанность, грубость девушек она не выносила, но сказать что-либо не решалась. Ударив кулаком о столешницу, вскопчила со своего места Айсанат, в лице ее не было ни кровиночки:

— Кого вы тут задеть пытаетесь своей болтовней? За кого меня принимаете? Такие же, как вы, эту ложь написали в редакцию. Я найду правду, а вот вы — что найдете? [Урусова 1987: 116] (Подстр. пер. — Ф. У.)

В подобных эпизодах реакции героини А. М. Урусовой ожидаемы, «читаемы», в отличие от других фрагментов, в которых главная героиня изображена сдержанной и реально глубокой личностью с подходящим набором разнообразных эмоциональных оттенков.

Какой вывод можно сделать из наблюдений над сюжетным, образным, семантическим и языковым разнообразием текста? Процесс его создания — акт длительный, подразумевающий формирование эпизодов на различных стадиях профессионального роста автора.

Особенно очевидна эволюционная разнохарактерность нарратива А. М. Урусовой в главах, гарантированно написанных после войны. Это те главы, в которых описывается сама Великая Отечественная война и заключительная часть романа о жизни Айсанат в Киргизии. Что видится самым показательным и симптоматичным — отчетливое расширение типологии темпоральных отношений в ряде фрагментов. В целом архитектоника, образный строй, синтаксис и язык романа указывают: между первоначальным замыслом и окончательным вариантом текста годы жизни автора, в течение которых его профессиональное мастерство заметно возросло.

4. Заключение

Исходя из специфических черт романа «Айсанат», присущих как развитой прозе, так и прозе безальтернативного конфликта, можно утверждать, что роман — и это подтверждается биографией автора — задумывался и начинался как пример классической про-

зы революционного, партийного просветительства. Он задумывался как текст сугубо идеологического наполнения, и целый ряд его глав, как мы предполагаем, был написан в 30-х гг. прошлого века.

Таким образом, наряду с романом в двух книгах Х. А. Аппаева «Къара къюбюр» («Черный сундук») (1935–1936), произведение А. М. Урусовой де-факто можно также считать одним из первых образцов крупноформатной романной прозы в карачаевской довоенной литературе. Открытым остается вопрос о первичном жанровом замысле А. М. Урусовой: планировала ли она роман изначально или же это циклообразующие опорные скрепы со сквозной генеральной линией судьбы главной героини. Количество представленных в произведении сюжетных линий и направлений идеологического анализа свидетельствует в пользу того, что и в самом первичном варианте это был роман, возможно, писавшийся на начальном этапе по шаблону мультилинейных романов 1930-х гг., весьма характерных для целого поколения советских авторов и несомненно представлявших авангард советской художественной прозы¹ [Ершов 1962: 12]. Преодоление этой шаблонной формы в новописьменных литературах начиналось с романов переходного типа; некоторые из них стали таковыми не в силу осознанных целеустановок автора, а по причине протяженной истории своего создания. Начатые в 30-х гг. в эпоху торжества идеологического конфликта и культуртрегерских революционно-просветительских ориентаций литературы, они были продолжены в 1960-х гг. и закономерно интегрировали в себя все достижения национальной литературы. В этом смысле роман А. М. Урусовой представляет собой яркий и очевидный пример текста подобного типа и весьма интересный образец совмещения параметров и маркеров различного эволюционного статуса.

Литература

Гаптаксальный словарь 2014 — Гаптаксальный словарь карачаево-балкарского языка / сост. А. З. Толгурова, Т. З. Толгуров. Ч. 1. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2014. 192 с.

Грифцов 1927 — *Грифцов Б. А.* Теория романа. М.: Гос. Академия худож. наук, 1927. 118 с.

¹ Пожалуй, кроме Л. Леонова, все советские русскоязычные авторы 1930-х гг. прошли через этап написания мультиперсонажных и полилинейных романов-хроник.

- Гымпилова 2023 — *Гымпилова С. Д.* Бурятские версии калмыцкого эпоса «Джангар» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2023. № 1. С. 212–229. DOI: 10.22162/2587-6503-2023-1-25-212-229
- Ершов 1962 — *Ершов Л. Ф.* Типология советского романа // Русская литература. 1962. № 4. С. 3–31.
- КБРС 1989 — Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. На кар.-балк. яз. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
- Ленин 1938 — *Ленин В. И.* О пролетарской культуре // Ленин о культуре и искусстве: сб. статей и отрывков / сост. М. Лифшиц. М.: ИЗОГИЗ, 1938. 336 с.
- Пospelов, Лукач 1935 — *Пospelов Г. Н., Лукач Г.* Роман // Литературная энциклопедия: В 11 тт. Т. 9. М.: ОГИЗ РСФСР, Сов. Энцикл., 1935. С. 773–832.
- Тойнби 2009 — *Тойнби Арн. Дж.* Исследование истории. Т. 1: Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К. Я. Кожурина. М.: АСТ МОСКВА, 2009. 863 с.
- Томашевский 1925 — *Томашевский Б. В.* Теория литературы (Поэтика). Изд. 5-е. М.; Л.: Госиздат, 1925. 232 с.
- Узденова 2016 — *Узденова Ф. Т.* Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт Центр, 2016. 212 с.
- Урусова 1983 — *Урусова А.* Айсанат: роман-диалогия. Кн. 1. На кар.-балк. яз. Черкесск: Карачаево-Черкесск отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1983. 270 с.
- Урусова 1987 — *Урусова А.* Айсанат: роман-диалогия. Кн. 2. На кар.-балк. яз. Черкесск: Карачаево-Черкесск. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1987. 272 с.
- Хаджиева 1994 — *Хаджиева Т. М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. С. 8–66.
- Цеткин 1958 — *Цеткин К.* О литературе и искусстве. М.: ГИХЛ, 1958. 132 с.
- Эсалнек 2021 — *Эсалнек А. Я.* Теория литературы. М.: Флинта, 2021. 208 с.